

Философские науки

УДК 141.5

Финогентов В. Н.,

доктор философских наук, профессор,
Орловский государственный аграрный университет им. Н. В. Парахина

Поток истории: инновации и преемственность

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-2-6-20

В данной статье развивается подход, согласно которому исторический процесс всегда является единством инноваций и преемственности. При этом между инновационностью и преемственностью, как важнейшими характеристиками исторического процесса, имеют место отношения взаимной дополнительности и конкуренции. На ранних стадиях развития человеческие сообщества вели, по сути, неисторический (традиционный) образ жизни. Переход человеческих сообществ от традиционного (неисторического, по сути) образа жизни к инновационному образу жизни, видимо, явился самой грандиозной социальной революцией из всех революций, когда-либо происходивших в истории человечества. По мере развития человечества – чем дальше, тем больше – в составе исторического процесса нарастает вес инновационной составляющей. Эта тенденция все более затрудняет осуществление различных форм преемственности в развитии человечества. Нарастание мощности инновационного потока, в особенности потока научно-технических инноваций, в наши дни начинает угрожать самому существованию человечества. Пришла пора заняться своего рода диагностикой этого постоянно нарастающего потока инноваций и даже попытаться поставить его под контроль.

Ключевые слова: *поток истории, инновации, преемственность, традиционный образ жизни, инновационный образ жизни, высокодинамичное общество, «сгущение инноваций».*

Finogentov V. N.,

Doctor of Philosophy, Professor,
Orel State Agrarian University named after N. V. Parakhin

The flow of history: innovation and continuity

This article develops an approach according to which the historical process is always a unity of innovation and continuity. At the same time, there are relations of mutual complementarity and competition between innovation and continuity, as the most important characteristics of the historical process. In the early stages of development, human communities led, in fact, a non-historical (traditional) way of life. The transition of human communities from a traditional (non-historical, in fact) way of life to an innovative way of life was probably the most ambitious social revolution of all the revolutions that have ever taken place in the history of mankind. As humanity develops – the further it goes, the more – the weight of the innovation component increases in the historical process. This trend makes it increasingly difficult to implement various forms of continuity in human development. The increasing power of the innovation flow, especially the flow of scientific and technological innovations, is now beginning to threaten the very existence of mankind. The time has come to engage in a kind of diagnosis of this ever-increasing flow of innovation and even try to bring it under control.

Keywords: *flow of history, innovation, continuity, traditional way of life, innovative way of life, highly dynamic society, «concentration of innovations».*

В предлагаемой вниманию читателя статье последовательно выдвигаются и обосновываются три тезиса: 1) история человечества представляет собой единство инноваций и преемственности, 2) по мере развертывания исторического процесса в нем все более отчетливо и масштабно проявляет себя тенденция доминирования инновационной составляющей, 3) в наши дни человечество захлестывает поток инноваций, который становится опасен и должен быть в известной мере поставлен под контроль.

1. История человечества как единство инноваций и преемственности

История человечества будет пониматься в данной статье как сложный, многокомпонентный, необратимый процесс, в основе которого лежит деятельность самых различных социокультурных субъектов. Для меня в данной статье история человечества – это, прежде всего, процесс изобретения и внедрения в жизнь общества инноваций самых разных видов: социальных, экономических, духовных, технических... При этом понятие «инновации» используется мной в максимально широком смысле, то есть как всякие нововведения в любой сфере жизни соответствующего сообщества.

История человечества – это, таким образом, процесс сущностно инновационный, следовательно, так сказать, по определению, во многих отношениях процесс не прогнозируемый, не предсказуемый. Ибо всякое новое (то, чего еще не было), появляющееся в жизни какого-либо сообщества, всегда влечет новые, неизвестные данному сообществу следствия. Очевидно, что такое понимание истории человечества противостоит, в частности, ее толкованию теми авторами, которые уверены в том, что существуют объективные, действующие с неотвратимостью законы истории. Открытие таких законов, по убеждению этих авторов (Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса и др.), позволило бы делать надежные предсказания о будущих стадиях развития человечества. В свое время К.Р. Поппер назвал позицию таких авторов историцизмом. И, как известно, он, подчеркивая несостоятельность и даже опасность историцизма, характеризовал эту позицию с помощью понятия «нищета» (см. об этом подробнее [Поппер, 1993]). Возможно, впрочем, что эта попперовская характеристика историцизма является излишне категоричной. Возможно, что какие-то черты законосообразности у истории человечества все-таки существуют и их нам еще только предстоит выявить, опираясь на более широкий эмпирический базис, сравнительно с тем, каким располагали упомянутые выше мыслители (см. об этом подробнее в моей книге [Финогентов, 2012]).

По крайней мере, уже и сейчас понятно, что исторический процесс – это отнюдь не хаотический процесс; это процесс, имеющий различные, в том числе весьма мощные, формы преемственности. Эти формы преемственности, то есть способы связи последующих этапов развития общества с этапами предшествующими, можно также назвать исторической (социокультурной) памятью общества. С помощью такой памяти человеческие сообщества сознательно или бессознательно сохраняют в ходе истории свои социокультурные достижения и находки, извлекают из истории уроки. Эти же формы преемственности являются объективной основой иногда в определенной степени успешной практики социального планирования и прогнозирования. Конечно, эти формы преемственности не обладают такими жесткими детерминирующими возможностями, какими обладают законы, свойственные функционирующим природным и техническим системам. Такими детерминирующими возможностями обладают, например, законы суточного и годового движения Земли. Именно они определяют, в конечном счете, регулярную смену дня и ночи и аналогичную смену времен года на нашей планете. Примеров действия законов функционирования можно было бы привести здесь достаточно много. Как уже сказано, формы преемственности, свойственные историческому процессу, не являются такими жесткими, как

законы функционирования. Но, тем не менее, они в значительной мере ограничивают величину сектора возможного будущего каждого социокультурного субъекта. Так, например, национальные и религиозные традиции во многих случаях едва ли не однозначно задавали в прошлом и задают в настоящее время многие поступки отдельного человека и поведение больших масс людей. Вспомним, к примеру, типическое, то есть в значительной мере прогнозируемое поведение верующих (христиан, мусульман и т.д.) во время больших религиозных праздников.

Теперь я должен сказать, что между инновационностью и преемственностью, как важнейшими характеристиками исторического процесса, имеют место отношения взаимной дополнительности и своего рода конкуренции. Иначе говоря, чем выше степень инновационности некоторого участка исторического процесса, тем, как правило, слабее преемственность, свойственная этому процессу. И наоборот: чем сильнее преемственность, свойственная данному фрагменту исторического процесса, тем, чаще всего, ниже степень его инновационности. Таким образом, мощные, сильные формы преемственности, к ним относятся, в частности, уже упомянутые традиции, по большей части минимизируют инновационную составляющую исторического процесса. В свою очередь, инновационная составляющая исторического процесса, так или иначе, почти всегда ослабляет и в конечном счете «размывает» все актуально существующие в данном сообществе формы преемственности. Разумеется, в действительности взаимоотношения между инновационностью и формами преемственности как характеристиками исторического процесса включают в себя не только отношения конкуренции и взаимной дополнительности. Но сейчас, во избежание излишних в данном случае усложнений, я абстрагируюсь от других составляющих их взаимоотношений.

Подчеркну еще раз, что если мы говорим именно об историческом процессе, то в нем непременно должны присутствовать обе указанные характеристики. Другими словами, полное отсутствие в социокультурном процессе одной из них, то есть отсутствие в нем инновационности или отсутствие в нем наличия определенного набора форм социокультурной преемственности, приводит к осуществлению одного из двух предельных («вырожденных») вариантов исторического процесса, а именно: либо к превращению исторического процесса в процесс неисторический, либо к катастрофическому разрушению соответствующего социокультурного процесса, к деградации его в процесс сугубо биологический.

Так, полное отсутствие инноваций в потоке истории неизбежно приводит к вырождению истории в циклический (неисторический) социокультурный

процесс. Такой – циклический (неисторический) социокультурный процесс – был свойствен традиционному обществу, то есть обществу, в котором все социальные процессы и все действия индивида задавались жестко действовавшими традициями, выполнявшими здесь роль своего рода социальных инстинктов. Таким образом, в традиционном обществе инновационная составляющая социокультурных процессов, по сути, отсутствовала. Соответственно, такое общество, можно сказать, не видело разницы между прошлым, настоящим и будущим. Оно длительное время непрерывно воспроизводило одни и те же свои состояния, вписанные к тому же в природные (сезонные и суточные) циклы: в таком обществе внуки жили так же, как их деды. И, по сути, такое общество находилось в непреходящем настоящем. Понятно, что в таком обществе в принципе не могло сформироваться историческое сознание. Несомненно, что речь в данном случае идет о, так сказать, идеальном традиционном обществе, о своего рода теоретическом конструкте, об идеальном типе, если использовать понятие, введенное М. Вебером. Ибо во всяком реальном социокультурном процессе (в том числе, жестко регулируемом традициями), пусть минимально и почти незаметно для субъектов этого процесса, инновационная составляющая все-таки присутствует.

С другой стороны, отсутствие какой бы то ни было преемственности в данном историческом процессе приводит не просто к вырождению этого исторического процесса в процесс неисторический, но и к разрушению социокультурной жизни как таковой, к социокультурному хаосу. Действительно, полное отсутствие преемственности в эволюции общества означало бы, что в нем постоянно утрачиваются все его предшествующие достижения, все ценные для существования этого общества социокультурные обретения и находки. Такое общество страдает своего рода амнезией. Нечто подобное происходит с обществом, которое по тем или иным причинам (природные катастрофы, войны, социальные революции, эпидемии и т.д.) проходит через состояние аномии, когда прежние ценности и нормы в этом обществе, по сути, полностью разрушаются, а новые ценности и нормы в нем еще не кристаллизовались. Очевидно, что и здесь речь идет у нас об определенном теоретическом конструкте (об идеальном типе), поскольку во всяком реальном социокультурном процессе, хотя бы в минимальной степени, присутствуют те или иные формы преемственности. Будем для краткости называть общество, в котором разрушены все формы социокультурной преемственности, аномийным обществом.

Подчеркну еще раз, что все реальные примеры социокультурного развития находятся между только что указанными его «вырожденными», предельными

(«идеальными» в веберовском смысле) неисторическими вариантами. Иначе говоря, все действительные человеческие сообщества в рассматриваемом плане всегда находятся между традиционным обществом и аномийным обществом. Другими словами, как уже сказано, все реальные примеры социокультурного развития обязательно имеют какие-либо формы социокультурной преемственности и включают в себя более или менее весомую инновационную составляющую.

2. Тенденция нарастания инновационной составляющей исторического процесса

Если в самых общих чертах характеризовать развитие человечества, то в рассматриваемом контексте можно сказать, что в ходе этого развития – чем дальше, тем больше – в составе исторического процесса нарастает вес инновационной составляющей. Это утверждение, конечно, можно надежно подтвердить обобщениями, представленными в соответствующих исторических исследованиях. Многочисленные обобщения такого рода, подкрепленные ссылками на специальную литературу, представлены в фундаментальной книге современного немецкого философа Германа Люббе, к которой я и отсылаю заинтересованного читателя [Люббе, 2016]. Ниже я ограничусь лишь отдельными иллюстрациями, свидетельствующими об указанном нарастании инновационной составляющей исторического процесса.

По всей видимости, такое нарастание вполне закономерно. Дело в том, что всякая социокультурная инновация – это в некотором смысле «езда в незнаемое». Ее внедрение в социокультурную жизнь соответствующего социального субъекта всегда рискованно. Вообще говоря, как уже отмечено, ее внедрение ведет к непредсказуемым, неизвестным для этого субъекта последствиям. В принципе, такого рода внедрение инноваций могло привести даже к гибели данного социального субъекта. Причем только что сказанное относится не только к древним человеческим сообществам. Показательным в этом плане является открытие атомного ядра. Когда Э. Резерфорд совершил это выдающееся открытие (в 1911-м году), никто, включая самого Резерфорда, конечно, не мог предвидеть, к каким драматическим последствиям для всего человечества приведет через несколько десятилетий эта научная инновация. Как хорошо известно, самым масштабным следствием этого, казалось бы, очень специального открытия стало создание ядерного оружия, поставившего человечество на грань самоуничтожения.

Очевидно, что на ранних стадиях развития человеческих сообществ эти сообщества были особенно уязвимы по отношению к опасностям, связанным с изобретением и внедрением различного рода инноваций. Для устранения таких

опасностей на указанных стадиях развития человеческих сообществ действовал своего рода социокультурный фильтр. А именно: роль такого фильтра играли традиции, которые в то время считались священными, а потому их нарушение было тогда совершенно недопустимо, надежно отсекали, по сути, все инновации. Можно сказать, что наличие такого социокультурного фильтра, отсекающего все более или менее заметные инновации, было в то время спасительным для человеческих сообществ. Этот фильтр, по сути, полностью элиминировал тогда социокультурные инновации и направлял человеческие сообщества на уже многократно проверенные опытом поколений траектории. Повторяю, роль такого фильтра играли в то время именно священные для соответствующих сообществ традиции.

Таким образом, можно констатировать, что в рассматриваемом плане первым, самым длительным и самым стабильным, самым долговременным состоянием человеческого сообщества было традиционное общество. Как уже сказано, в действительности социокультурные инновации в реальном традиционном обществе не элиминировались полностью. Если бы это было не так, то человеческие сообщества так никогда и «не вошли бы в историю», ведь исторический процесс невозможен без инновационной составляющей. Они (человеческие сообщества) в таком случае все до сих пор находились бы на доисторической стадии эволюции, на стадии традиционного общества. Указанный мощный социокультурный фильтр только минимизировал в то время масштабы вхождения инноваций в жизнь человеческих сообществ. Иначе говоря, инновации проникали тогда сквозь названный фильтр микроскопическими порциями.

Рассуждая в намеченном ключе, можно предположить, что только некоторые, социокультурно «продвинутые» сообщества, то есть укрепившиеся в своем социокультурном качестве древние социальные субъекты могли позволить инновациям во все возрастающем объеме проникать в их жизнь. Другими словами, такие сообщества уже были способны более или менее успешно ассимилировать различные инновации. Тем самым эти сообщества, зачастую незаметно для них самих, преодолевали традиционный образ жизни и вставляли на путь собственно исторического, инновационного образа жизни.

Этот переход человеческих сообществ от традиционного образа жизни к инновационному образу жизни, видимо, является самой грандиозной социальной революцией из всех революций, когда-либо происходивших в истории человечества. Понятно, что этот переход был очень серьезным испытанием для человеческих сообществ того времени.

И многие из них, наверное, не выдержали это суровое испытание. Как представляется, некоторые из них вернулись вновь к привычному, традиционному образу жизни и снова обрели свою «тихую заводь» такого образа жизни, в котором, быть может, пребывают до сих пор.

Видимо, здесь стоит упомянуть, что и в наши дни в различных сообществах, в частности в российском, немало сторонников традиционного образа жизни. Такая позиция, несомненно, заслуживает внимания и уважения. Как уже неоднократно сказано, традиции являются важнейшей формой преемственности в развитии общества. Кроме того, это тоже уже отмечено, традиции образуют своего рода социокультурный фильтр, который препятствует вхождению в жизнь инноваций, нежеланных по тем или иным причинам данному сообществу. Всё это так. В то же время необходимо помнить, что традиционный образ жизни в целом негативно относится к феномену социокультурных инноваций. Поэтому абсолютизация позиции сторонников традиционного образа жизни в наши дни может препятствовать внедрению в жизнь и весьма позитивных, перспективных инноваций. И, тем самым, такая позиция может способствовать отставанию соответствующих сообществ в жесткой конкурентной борьбе нынешних этнополитических субъектов.

Вернусь к обсуждению драматического процесса перехода от традиционного образа жизни к инновационному образу жизни. Как уже сказано, не все сообщества своевременно и благополучно осуществили такой процесс. Некоторые сообщества, не выдержав испытания потоком разнообразных инноваций, разрушившим привычный для них образ жизни, деградировали и погибли. Это можно было проиллюстрировать достаточным количеством печальных примеров, относящихся к различным отрезкам истории человечества. Можно даже предположить, что испытание человечества собственно историческим образом жизни, то есть инновационным образом жизни, продолжается и поныне. Поскольку, как уже сказано, инновационный образ жизни общества – это всегда рискованный образ жизни, это, метафорически выражаясь, всегда полет общества в неизвестность.

Особенно отчетливо это нарастание инновационной составляющей в развитии различных социокультурных субъектов заявляет о себе, начиная с эпохи Возрождения. Книгопечатание, великие географические открытия, Реформация, гелиоцентрическая система мира, новое великое искусство, антропоцентрические философские системы – все это стремительно и драматически обновляло тогда жизнь европейского и не только европейского человечества. Можно уверенно сказать, что в некотором смысле нынешнее

высокодинамичное общество является прямым наследником общества эпохи Возрождения!

Следующий скачок в нарастании инновационной составляющей социокультурного развития связан с промышленной революцией. Перечислю здесь только самые масштабные инновации этого периода: переход от мануфактур к фабричному и заводскому производству, трансформация аграрного общества в общество индустриальное, радикальное изменение социальной структуры общества, быстрая урбанизация, грандиозная научная революция.

А в последние несколько десятилетий указанное нарастание инновационной составляющей, питаемое стремительным технологическим прогрессом, переросшим в середине двадцатого века в научно-техническую революцию, приобрело буквально взрывной характер. Лавина всевозможных инноваций отныне буквально захлестывает человечество. Показательными в этом плане являются достаточно обоснованные опасения многих нынешних авторов, пишущих, в частности, о приближении так называемой технологической сингулярности, о проблемах, связанных с нарастанием роли искусственного интеллекта, по сути, во всех сферах жизни человека и общества, о проблемах, диктуемых возрастающими возможностями кардинального преобразования самого человека и т.д. (см. об этом, например, [Виндж, 2019], [Курцвейл, 2018], [Тегмарк, 2019]).

Отмечу здесь также, что, конечно, существовали и существуют социокультурные инновации различных масштабов и типов.

Так, очевидно, есть локальные и узкоспециализированные инновации. Изобретение и внедрение таких инноваций, как правило, изменяет только одну область социокультурной жизни. Да и ту изменяет чаще всего не очень существенно. Наверное, большинство инноваций принадлежат именно к этому разряду. В качестве примеров инноваций такого рода можно указать изобретение пульта для дистанционного управления телевизором, изобретение шариковой ручки, изобретение логарифмов. Впрочем, не следует недооценивать роль таких – локальных и специализированных – инноваций. Накапливаясь и переплетаясь друг с другом, они, чем дальше, тем больше, могут образовать достаточно мощный инновационный поток, вносящий значительный вклад в ускорение социокультурного развития человечества и в изменение направления этого развития.

Но, несомненно, есть и гораздо более масштабные и значимые социокультурные инновации. Их изобретение и внедрение вызывают, так сказать, «сильную социокультурную необратимость»: радикально и

долговременно изменяет жизнь данного социального субъекта. Такие инновации, распространяясь на иные регионы, в перспективе могут также принципиально изменить жизнь многих других социальных субъектов и даже жизнь всего человеческого сообщества. Внедрение таких инноваций в жизнь многих социальных субъектов ведет к тому, что можно назвать «лавинами инноваций».

Речь идет о том, что инновация такого рода неизбежно порождает целый ряд инноваций в разных сферах жизни общества. Эти – последующие – инновации в свою очередь порождают новые ряды инноваций и т.д. Ярким примером инновации такого рода является изобретение и последующее распространение на всё новые регионы планеты сельского хозяйства. Как известно, это произошло примерно десять тысяч лет тому назад и кардинально изменило всю последующую историю человечества. Можно сказать, что именно эта инновация породила оседлый образ жизни, а далее – растущие поселения, города, государства... (См. об этом подробнее [Даймонд, 2010]). Другим, не менее ярким, примером такого рода «судьбоносных» инноваций является изобретение различными сообществами качественно новых типов мировоззрения, в частности изобретение и последующее широкое распространение монотеистического мировоззрения: иудаизма, христианства, ислама. Именно такое мировоззрение, по всей видимости, заложило основы исторического сознания и многих других социокультурных достижений (См. об этом, например, [Коллингвуд, 1980: 46-83]). В последние десятилетия большинство масштабных инноваций принадлежит научно-технической сфере: ядерная энергетика, ракетная техника, компьютеры, биотехнологии, нанотехнологии и т.д., и т.п. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что научно-техническая сфера и в обозримой перспективе останется главным поставщиком судьбоносных инноваций.

Логично предположить также, что принципиально важный переход эволюции человечества от стадии локальных социокультурных субъектов (от своего рода «шпенглеровых» автономных культур) к эпохе единого (глобализированного) и постоянно ускоряющегося исторического процесса также связан со все более широким и все более быстрым распространением такого рода инноваций. Напомню, что К. Ясперс характеризовал начало этого периода как «осевое время» (См. об этом также [Ясперс, 1991: 32-50], [Данилевский, 2010], [Шпенглер, 1993:56-57] и др.). В ходе такого распространения судьбоносных социокультурных инноваций «лидирующие» социокультурные субъекты, так или иначе, «расшевеливали» захватываемые ими социокультурные сообщества (упомянутые выше «тихие заводы») и

навязывали им не свойственный им ранее тип инновационного социокультурного образа жизни. Разумеется, что навязанные этим «тихим заводам» варианты инновационного социокультурного образа жизни были, как правило, весьма деформированными и дисгармоничными. Эти варианты, чаще всего, характеризуются инновационным и достаточно быстрым развитием лишь некоторых секторов социальной жизни «захваченных» навязанным образом жизни сообществ. Речь, в первую очередь, идет здесь об определенных (экспортно ориентированных) отраслях экономики этих сообществ. В то время как другие секторы их культуры продолжают длительное время оставаться в застойном, патриархальном состоянии или даже деградируют.

3. «Осторожно, инновации!»

Конечно, более внимательное рассмотрение потока истории человечества покажет, что этот поток отнюдь не является, так скажем, ламинарным потоком. Иначе говоря, разные его части не характеризуются одинаковой скоростью. То есть различные субъекты исторического процесса всегда изменялись и сейчас изменяются с разными скоростями: кто-то из них время от времени вырывается вперед, кто-то значительно отстает и т.п. Так что, если все-таки пользоваться метафорой потока истории, то надо иметь в виду, что он весьма разнороден: в нем есть более или менее ламинарные участки, есть турбулентные фрагменты, в том числе, своего рода завихрения, есть уже упомянутые «тихие заводы». (См. об этой метафоре «потока истории» подробнее, в частности, в очень интересной и содержательной книге Германа Люббе [Люббе, 2016: 15] и др.).

Так что данный социокультурный субъект по тем или иным причинам может длительное время пребывать в «тихой заводи» традиционного образа жизни. Такой субъект может надолго, если не навсегда, отстать в своем социокультурном развитии от лидирующих исторических субъектов. Соответственно, этот субъект может попасть в зависимость (технологическую, экономическую, политическую и т.д.) от «лидирующих» в том или ином плане исторических субъектов. Примеров, демонстрирующих такого рода зависимости, история человечества последних пятисот лет знает сколько угодно. Это, в частности, разнообразные варианты колониальной и неоколониальной зависимости многих народов планеты от упомянутых «лидирующих» социокультурных субъектов.

В свою очередь, таким – «лидирующим», вырвавшимся вперед в гонке инноваций, – историческим субъектам могут угрожать опасности другого рода. Так, например, их постоянно ускоряющееся развитие может привести к размыванию и вытеснению многих – жизненно необходимых для гармоничного развития культуры соответствующих социокультурных общностей – форм

преемственности. Иначе говоря, такого рода «лидирующие» социокультурные субъекты объективно играют роль своего рода разведчиков: они первые опробуют на себе не только, так сказать, позитивные социокультурные инновации, но и инновации негативные, и даже инновации смертельно опасные для этих субъектов или даже для человечества в целом. По всей видимости, именно такой инновацией является создание в середине двадцатого века и последующее «расползание» по поверхности земного шара термоядерного оружия. Не менее опасной инновацией, несомненно, является изобретение в двадцатом веке и достаточно широкое распространение тоталитарных политических режимов. К разряду таких – смертельно опасных для человечества – инноваций, может быть, относятся также стремительно нарастающие в наши дни возможности систем искусственного интеллекта, некоторые направления развития генной инженерии, рост манипулятивных возможностей, связанных с совершенствованием информационных систем, и т.д.

По всей видимости, для человечества пришло время отказаться от позиции, согласно которой «инновации – это всегда хорошо, всегда прогрессивно». Наверное, вслед за В. А. Кутыревым, который в свое время провозгласил: «Осторожно, творчество», следует заявить: «Осторожно, инновации». Нужно отчетливое понимание, что ценность представляют не всякие инновации, не инновации сами по себе, не «гонка за инновациями», а только инновации, удовлетворяющие определенным, достаточно строгим требованиям. Нужна, иными словами, продуманная стратегия «селекции инноваций», которая позволит отсеять опасные инновации, отсеять ненужные инновации.

С другой стороны, нарастание мощности потока, прежде всего, научно-технических инноваций в наши дни, по всей видимости, уже очень трудно или даже невозможно остановить (см. об этом [Финогентов, 2023: 11-66]). В связи с этим можно выдвинуть предположение о том, что, наверное, человечеству пора заняться своего рода диагностикой нарастающего потока инноваций и даже попытаться поставить под контроль этот поток. Иными словами, в духе принципа предосторожности нам необходимо оценивать все инновации, входящие в наши дни в жизнь общества, с точки зрения их возможной опасности. Понятно, что сделать это очень непросто. Точнее, сделать это чрезвычайно сложно! Но, видимо, откладывать реализацию этого начинания человечеству уже недопустимо. Иначе будет слишком поздно. Можно предположить также, что основой для осуществления такого рода оценки инноваций должны быть гуманистические и экологические ценности: те инновации, которые им противоречат, должны если не запрещаться, то, по крайней мере, ставиться под жесткий контроль соответствующих сообществ. Для этого, наверное, этим

нынешним социокультурным сообществам необходимо будет сформировать по типу современных этических комитетов достаточно компетентные и авторитетные органы, занимающиеся диагностикой предлагаемых инноваций и выработкой соответствующих рекомендаций.

Заслуживает внимания вопрос хотя бы о ближайших перспективах развития высокодинамичного общества, то есть общества, которому свойствен уже не просто инновационный образ жизни, а образ жизни, определяемый постоянно нарастающим потоком инноваций, прежде всего, научно-технических и технологических инноваций.

Такой образ жизни, который свойствен и нынешнему обществу, очевидно, противоречит гипотезам, подобным фукуямовскому предположению о «конце истории» (см. [Фукуяма, 1990]). Ведь, несомненно, масштабные научно-технические и технологические инновации повлекут за собой инновации во всех других сферах жизни современного общества. Но насыщенность всевозможными инновациями жизни общества, как мы помним, является необходимым условием осуществления им исторического процесса. Конечно, у такого – высокодинамичного – общества могут возникнуть проблемы с осуществлением достаточно мощных форм преемственности. Это обстоятельство необходимо обязательно помнить. И, видимо, современному обществу, чем дальше, тем больше усилий придется затрачивать именно на поддержание и развитие различных форм преемственности. Поскольку, если такая задача не будет решена, то, как сказано в начале данной статьи, безмерное нарастание инновационной составляющей может привести к тому, что ткань исторического процесса начнет катастрофически распадаться.

Справится ли общество с этой очень сложной задачей? – Откровенно говоря, есть серьезные основания для сомнения в этом. Упомяну в связи с этим только феномен «сгущения инноваций» (см. об этом также [Люббе, 2016: 240-254]). Этот феномен состоит в том, что поток инноваций приносит все больше инноваций в каждую следующую единицу календарного времени (день, месяц, год и т.п.). Соответственно, у общества и индивида остается все меньше календарного времени для того, чтобы более или менее адекватно отреагировать на эти – «самые свежие» – инновации. И феномен «сгущения инноваций», как показывают тенденции развития нынешнего высокодинамичного общества, проявляется все более интенсивно. Совладаем ли мы с ним? – Или в обозримом будущем человечество ждет тот или иной вариант сингулярности, когда непрерывно растущие скорости обновления жизни общества будут несовместимы с существованием человека с его сегодняшними биопсихическими возможностями?!

Подведу краткие итоги обсуждения осуществленного выше.

1. Исторический процесс всегда есть единство инноваций и преемственности.
2. Между инновационностью и преемственностью, как важнейшими характеристиками исторического процесса, имеют место отношения взаимной дополнительности и конкуренции.
3. Переход человеческих сообществ от традиционного (неисторического, по сути) образа жизни к инновационному образу жизни, видимо, является самой грандиозной социальной революцией из всех революций, когда-либо происходивших в истории человечества.
4. По мере развития человечества – чем дальше, тем больше – в составе исторического процесса нарастает вес инновационной составляющей. Эта тенденция все более затрудняет осуществление различных форм преемственности в развитии человечества.
5. Нарастание мощности инновационного потока в наши дни начинает угрожать самому существованию человечества. Пришла пора заняться своего рода диагностикой этого постоянно нарастающего потока инноваций и даже попытаться поставить его под контроль.

Список литературы

- Виндж, 2019 – *Виндж В.* Сингулярность. М.: Издательство АСТ, 2019. 150 с.
- Даймонд, 2010 – *Даймонд Дж.* Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 762 с.
- Данилевский, 1991 – *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М.: «Книга», 1991. 576 с.
- Коллингвуд, 1980 – *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 488 с.
- Курцвейл, 2018 – *Курцвейл Р.* Эволюция разума, Или бесконечные возможности человеческого мозга, основанные на распознавании образов. М.: Эксмо, 2018. 352 с.
- Люббе, 2016 – *Люббе Г.* В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 456 с.
- Поппер, 1993 – *Поппер К. Р.* Нищета историцизма. М.: Издательская группа «Прогресс». VIA, 1993. 187 с.
- Тегмарк, 2019 – *Тегмарк М.* Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2019. 560 с.
- Финогентов, 2012 – *Финогентов В. Н.* История как творчество // *Финогентов В. Н.* Трагический гуманизм: Очерки онтологические,

антропологические и аксиологические. Орел: ООО ПФ «Картуш», 2012. С. 299-317.

Финогентов, 2023 – *Финогентов В. Н.* Будущее: наше и не наше: Философская мозаика. Орёл: Издательство «Картуш», 2023. 300 с.

Фукуяма, 1990 – *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134-148.

Шпенглер, 1993 – *Шпенглер О.* Закат Европы. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. 592 с.

Ясперс, 1991 – *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

УДК 303.4

Ноздрунов А. В.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и культурологии,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

Социальные регулятивные системы: типология, взаимодействие и оценка устойчивости через формулу универсальной полезности

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-2-20-30

Статья посвящена анализу социальных регулятивных систем, их типологии и взаимодействию на основе формулы универсальной полезности. Автор разделяет нормы на внешние (традиционные и законодательные) и внутренние (моральные), подчеркивая роль доминантных систем (универсальных или локальных), которые формируют базовые правила поведения, и периферийных, обеспечивающих гибкость и культурное разнообразие. Центральным элементом исследования выступает формула, интегрирующая параметры соблюдения норм, вероятности санкций, социального давления и коллективной выгоды. Она позволяет оценить устойчивость регулятивных систем и определить доминирующий тип в конкретном социокультурном контексте.

Ключевые слова: социальные регулятивные системы; социальные нормы; типология социальных норм; доминантный тип социальной регуляции.

Nozdrunov A. V.,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies,
Orel State University named after I. S. Turgenev.